

ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ



Виктор МАСЛОВ

Доктор физико-математических наук, профессор, академик РАН, заслуженный профессор.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

101000, Российская Федерация, Москва, ул. Мясницкая, д. 20;

e-mail: vpmaslov@hse.ru

К ДИСКУССИИ О РОЛИ МАННЕРГЕЙМА В ВОЙНЕ С СССР

Статья выполнена в форме эссе. Она рассматривает, какое значение для хода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., в частности для обороны Ленинграда, имела нейтрально-сдержанная позиция Маннергейма и Финляндии как государства, выразившаяся в относительном дистанцировании от гитлеровской Германии: неучастии в штурме Ленинграда и его обстреле, отказе предоставить немецкой армии территорию Финляндии для ударов по городу, заблокировать «Дорогу жизни» по Ладожскому озеру. Показано, что такая позиция в значительной мере явилась результатом дипломатических усилий советского посла в Швеции Александры Коллонтай, которую связывали особые дружеские отношения с Маннергеймом. В ходе аргументации, наряду с анализом объективных и литературно документированных фактов, автор опирается также на личные свидетельства, уходящие корнями в биографию его деда, известного академика П.П. Маслова. Статья на конкретном примере показывает, как персональные позиции и межличностные связи, подчинённые своей собственной логике, становятся важными элементами исторически значимых факторов.

Ключевые слова: Маннергейм, Коллонтай, Сталин, Вышинский, блокада Ленинграда, Финляндия, Отечественная война, линия Маннергейма, Дорога жизни, П.П. Маслов

В последнее время в СМИ и в интернете обсуждается вопрос о том, кто спас Ленинград во время Второй мировой войны и какова в этом роль Маннергейма. Основные версии дискуссии сводятся к двум точкам зрения.

Министр культуры В.Р. Мединский в «Российской газете» написал, что Маннергейм заслуживает открытия в Санкт-Петербурге памятной доски в его честь как генералу русской армии и как военачальнику, препятствовавшему штурму Ленинграда во время Великой Отечественной войны, несмотря на требования Гитлера [4]. Эту позицию поддерживал известный писатель-петербуржец Даниил Гранин.

Однако люди, которые пережили блокаду Ленинграда, считают Маннергейма врагом СССР, так как он воевал против них.

В данной заметке я попробую проанализировать этот вопрос, опираясь на известные мне факты.

Возможно, Маннергейму не удалось убедить финскую достаточно малочисленную бригаду продолжать наступление на Ленинград, чтобы захватить этот город, в котором когда-то прошла значительная часть его жизни. У финнов не было не только сил, но и желания захватывать территории, которые им не принадлежали, и отдавать свою жизнь за победу фашистской Германии над Россией. Для простых солдат более естественная позиция – сохранить статус кво времён мирной жизни: *Териоки, Келломяки* – в этих курортных и дачных районах мирно жили и финны, и русские. С детства на слух помню: «*Выборжские кренделя – самый лучший!*» и весёлые финские песенки типа:

Лайба (лодка) был моя не пуста,
Когда плыл ставаста густо.
Был смола осемь пудов
И сосновых много дров.
Ветер выл – лайба плыл,
И я очень рада был.

Для советских войск очень сложным препятствием оказался оборонительный рубеж – так называемая линия Маннергейма. Этим военным манёвром Маннергейм как военачальник, наверное, мог бы гордиться больше всего. Линия Маннергейма останется за ним навсегда как замечательный комплекс оборонительных сооружений, учитывающих природный ландшафт.

Дружеские связи Маннергейма с представителями фашистской верхушки, как известно, ограничивались отношениями со вторым лицом нацистской Германии – Герингом. При том что страны Европы поддерживали Маннергейма при его сопротивлении Красной армии, Гитлер и Риббентроп практически включили Финляндию в область интересов СССР, тем самым давая обещание не вмешиваться в войну между Советской Россией и Финляндией и рекомендуя Маннергейму пойти на уступки.

Подчеркну, что дружеские связи Маннергейма с Герингом служили своего рода защитой для Маннергейма, который не разделял нацистской идеологии и не подчинялся гитлеровским требованиям безоговорочно. Гитлеру же было невыгодно разрывать связь немецкого командования с популярным военачальником Финляндии.

Каково же было отношение Маннергейма к русским во время Второй мировой войны? У Маннергейма были тесные связи с представителями правящей монархии в дореволюционной России. Маннергейм учился в Петербурге в Николаевском кавалерийском училище – привилегированном военном училище Российской империи. Достиг чина генерал-лейтенанта в русской армии. Он давал присягу русскому императору Николаю II и был верен ей. Присягу Временному правительству он отказался приносить. Тот факт, что он завещал похоронить себя в мундире с наградами, которые он получил, служа в русской армии, свидетельствует о том, в какой степени он ценил эту службу и свои награды.

Октябрьскую революцию в России Маннергейм наблюдал своими глазами. Во время революционных событий он, переодевшись в финского бизнесмена, прошёл через восставший Ленинград, взяв с собой мундир с орденами, которыми он дорожил. Сразу после этого он отправился из Петербурга не в своё родовое имение в Финляндии, где политическая обстановка тоже была нестабильной, а в Стокгольм. Нужно было почувствовать революционный настрой и страх перед революцией, чтобы не вернуться в свой отчий дом, а бежать в Швецию.

Гранин и Мединский считают, что в дальнейшем во время Второй мировой войны, будучи главнокомандующим финскими войсками, Маннергейм своей военной стратегией (отказ участвовать в штурме Ленинграда, дойдя до старой границы СССР с Финляндией, отказ предоставить немцам территорию Финляндии для удара по городу с севера, запрет обстрела Ленинграда с Карельского перешейка, отказ блокировать «Дорогу жизни» по Ладожскому озеру) помогал русским. В этом отношении он проявил себя отнюдь не как русский патриот, а скорее как человек, знающий и уважающий силу русского народа. Маннергейм предупреждал: *«Русские никогда не простят нам захват Ленинграда. Никогда!»*. Это важное общее соображение: кто бы ни пришёл к власти в России, штурм и захват Ленинграда чреваты враждой со стороны русских навек.

Известно, что великий советский полководец маршал Жуков осенью 1941 г. был направлен Сталиным на защиту Ленинграда, когда советское руководство уже решило топить свои корабли, готовясь к сдаче Ленинграда. Жуков возглавлял оборону блокадного Ленинграда в 1941–1942 гг. и в январе 1943 г. возглавил операцию «Искра», блестяще проведённую командующими Волховским и Ленинградским фронтами Мерецковым и Говоровым и командармами Романовским и Духановым. Эта операция привела к прорыву блокады со стороны южного побережья Ладожского озера. Ленинградцы отстояли свой город. О ленинградцах в те дни Николай Тихонов писал в «Красной звезде»: «На площадях, в переулках незнакомые друг

другу люди обнимаются и целуются, плачут от счастья. На заводах праздник. В детском доме проснувшиеся ребята, завернувшись в одеяла, пляшут на кроватях. Невиданная волна радости захлестнула великий город». И в этом была большая заслуга Жукова, который справедливо считал себя человеком, спасшим Ленинград.

Однако автор полагает, что существенную роль в спасении Ленинграда сыграла Александра Коллонтай. Именно она, будучи дипломатом и обязательной женщиной, по существу, договорилась с Маннергеймом о военной политике в отношениях между Финляндией и СССР. Прежде чем говорить об этой дипломатической договорённости, я скажу о тех моментах, которые сближали Коллонтай и Маннергейма.

Маннергейм высоко ценил дворянское и княжеское происхождение русских аристократов и сам принадлежал к этому кругу. Отец Александры Коллонтай, Михаил Домонтович, был военным существенно более высокого ранга, чем Маннергейм: Домонтович был генералом от инфантерии. Это один из высших чинов в вооружённых силах императорской России. Род Домонтовичей восходил к знаменитому князю Довмонту Псковскому, княжившему в XIII столетии в Пскове. Очевидно, что Маннергейм ценил высокое происхождение Коллонтай по отцу. По матери она унаследовала финскую кровь и имение в Финляндии. У Маннергейма в Финляндии тоже было родовое имение. Оба они ценили и любили эти владения. Оба любили красиво и даже шикарно одеваться и блистать в театрах и на приёмах.

Я встретил А.М. Коллонтай на похоронах моего деда академика Петра Павловича Маслова в 1946 г. Она была тогда уже мало мобильна. Её инвалидное кресло стояло рядом с гробом, и она из кресла обнимала деда.

Я вспомнил её повесть «Большая любовь», в которой она описала моего деда, бабушку («Павочку») и дядю Володю. Я понял, что это действительно была её большая любовь, если она в таком тяжёлом состоянии пришла проститься с дедом. Это говорило больше, чем те слова любви к моему деду, которую «Шурочка» описала в этой повести.

Я запомнил, что она подчеркнула, что она помогла спасти Ленинград во время войны. Как раз в это время по инициативе финских политиков Коллонтай была номинирована на Нобелевскую премию мира. Для неё как для дипломата, завершившего свою карьеру, это было очень важным признанием. Она предприняла много усилий, чтобы помочь Финляндии выйти из войны, и главное, чтобы сговориться с Маннергеймом о нейтральной позиции по отношению к СССР, и помогла не включить имя Маннергейма в список военных преступников.

Издавна существовали правила ведения войны: сначала в форме обычаев, позднее они закреплялись в международном гуманитарном праве, которое жёстко регулировало правила, которым должны следовать все стороны всех вооружённых конфликтов, где бы они ни происходили. Эти правила регулируют защиту гражданского населения, жертв войны и гражданских объектов во время военных действий, а также ограничивают методы и средства ведения войны. Международным правом установлена личная и коллек-

тивная ответственность за военные преступления и преступления против человечности. В некоторых случаях конфликтующие стороны подписывают двухсторонние договоры, в которых фиксируются достигнутые договорённости о ведении военных действий, о территориях, где ведутся военные действия, и т.п. Нарушение такого договора является обманом и чревато международным позором. Подобное соглашение было заключено между СССР и Финляндией в лице Коллонтай и Маннергейма. Нарушать такой договор, возможно, оформленный документально, было не в интересах Маннергейма.

С другой стороны, разделять ответственность с ефрейтором-фюрером за его военные преступления уже прославленному «линией Маннергейма» военачальнику тоже не имело смысла.

Очень важную роль в дипломатических успехах Коллонтай играли специфические отношения, которые сложились у неё со Сталиным. Будучи ещё достаточно молодыми людьми, они в 1917 г. вошли в первое советское правительство, возглавляемое Лениным: Сталин в качестве наркома по делам национальностей, Коллонтай в качестве наркома государственного призрения. В ноябре 1917 г. в составе советской делегации Коллонтай и Сталин поехали на съезд социал-демократов Финляндии. Как пишет Млечин, у Сталина остались самые приятные впечатления от общения с неотразимой Александрой Михайловной. С тех пор между ними сложились тёплые дружеские отношения. В качестве примера неформальных отношений приведу цитату из дневника Коллонтай о том, как 15 ноября 1929 г. она побывала у Сталина.

Торжественный спектакль в Большом театре. Иду к правительственной ложе. Красноармеец у входа: нельзя. Назвала себя, справился и пропустил...

Во время антракта Сталин обернулся ко мне:

– Давно приехали?

– Я здесь в отпуске, товарищ Сталин. Очень хочу вас повидать.

– Что ж, давайте. После пленума. После восемнадцатого созвонимся...

Дни идут, пленум закончился, а звонка от Сталина всё нет. Из кабинета скандинавского отдела НКВД звоню в Кремль к Сталину по прямому телефону, «по вертушке» в просторечии. Попадаю прямо в его кабинет.

– Иосиф Виссарионович?

– Да, кто говорит?

– Коллонтай. Когда можете принять меня?

Секунда молчания.

– А сейчас можете?

– Конечно, могу.

Я в приёмной у Сталина, жду вызова. Сталин вызывает секретаря.

Вхожу за ним и я. Сталин приподнимается мне навстречу...

И в дальнейшем Сталин неоднократно шёл навстречу просьбам Коллонтай и оказывал ей заступничество. Сталин любил беседовать с Коллонтай как с близким человеком, отдыхал за этой беседой. Беседы длились по несколько часов. Это было известно как окружению Сталина, так и за его пределами. Поэтому неудивительно, что Коллонтай добилась обещания Сталина не вносить имя Маннергейма в число военных преступников и что это обещание было выполнено.

Соблюдение международных конвенций со стороны СССР и лично со стороны Сталина означало, что в Европу «было прорублено окно». В отношениях на международной арене Сталин держал слово и Коллонтай никогда не обманывал.

Во внутренних делах советские вожди часто не держали слова. Например, известно, что Вышинский, будучи прокурором СССР, при допросах давал обещания помиловать заключённого, если тот признает свою вину. Однако эти обещания не выполнялись и заключённого приговаривали к высшей мере.

В качестве замечания отмечу один любопытный момент, на который, возможно, никто не обратил внимания. Вышинский был меньшевиком и со своими политическими соратниками, например с моим дедом, достаточно видным меньшевиком П.П. Масловым, держался особым образом: уничтожал большевиков, особенно военачальников, а меньшевиков не трогал. Так, например, дед выступал против избрания в члены-корреспонденты АН СССР Льва Николаевича Иванова, которого проводил Вышинский. Я был ребёнком, но помню, как деда поздравляли другие академики с тем, как смело он выступил против протезе Вышинского. Иванов тем не менее был избран. Но выступление деда произвело впечатление: осмелился спорить с таким опасным человеком, как Вышинский! Сказались давние ещё дореволюционные отношения, в которых дед занимал более видную позицию, чем меньшевик Вышинский. Впоследствии Вышинский сильно изменился: из злодея, который придумывал разные ловушки осуждённым, он превратился во вполне цивилизованного министра иностранных дел.

На основе изложенных выше фактов я полагаю, что основную посредническую роль в спасении Ленинграда сыграла именно Александра Коллонтай.

Если не считать тех, кто с оружием в руках защищал Ленинград и руководил обороной Ленинграда, то именно Коллонтай принадлежит заслуга в том, что Маннергейм принял нейтральную стратегию в отношении тактических действий финской армии на границе с СССР и, в частности, стратегию по отношению к осаждённому Ленинграду. Это явилось результатом негласного соглашения между Коллонтай и Маннергеймом, которое обеспечивало личную безопасность Маннергейму и отказ советских войск от бомбёжек на территории Финляндии, с одной стороны, и нейтральную позицию со стороны финнов в отношении военных действий на границе

с СССР, с другой стороны. Такое неофициальное соглашение с финским командованием было заключено на основе личных контактов посла СССР в Швеции Александры Коллонтай с главой Финляндии Густавом Маннергеймом.

Список литературы

1. *Карпов В.В.* Маршал Жуков. Опала: литературная мозаика. М.: Вече: АСТ-Пресс, 1994. 415 с.
2. *Клинге А.* Маннергейм и блокада Ленинграда: запретная правда о финском маршале. М.: Яуза-Пресс: Якорь, 2018. 222 с.
3. *Коллонтай А.М.* Летопись моей жизни / Предисл. и сост. Р.А. Поповкиной. М.: Academia, 2004. 332 с.
4. *Мединский В.Р.* Линии Маннергейма // Российская газета. 2016. 27 октября. № 243 (7111).
5. *Млечин Л.М.* Коллонтай. М.: Молодая гвардия, 2013. 478 с.
6. Полководцы и военачальники Великой Отечественной: сборник / Сост. А.Н. Киселев. М.: Молодая гвардия, 1986. 365 с.

HISTORICAL ANTHROPOLOGY

Viktor MASLOV

Doctor of physical and mathematical Sciences, Professor,
Academician of the Russian Academy of Sciences, honored Professor.
National research University Higher school of Economics.
20 Myasnitskaya str., Moscow, 101000, Russian Federation;
e-mail: vpmaslov@hse.ru

ON THE DISCUSSION OF MANNERHEIM'S ROLE IN THE WAR WITH THE USSR

The article is written in the form of an essay. It examines what value for the course of the Great Patriotic War of 1941–1945, in particular for the defense of Leningrad, had neutral-restrained position of Mannerheim and Finland as a state, expressed in relative distancing from Nazi Germany: non-participation in the storming and bombing of Leningrad, refusal to provide the German army the territory of Finland for hitting the city, to block the “Road of Life” on the lake Ladoga. It is shown that this position was largely the result of the diplomatic efforts of the Soviet Ambassador to Sweden, Alexandra Kollontai, who had a special friendly relationship with Mannerheim. In the course of the argument, along with the analysis of objective and literarily documented facts, the author also relies on personal evidence rooted in the biography of his grandfather, the famous academician P.P. Maslov. The article uses a concrete example to show how personal positions and interpersonal relationships, subject to their own logic, become important elements of historically significant factors.

Keywords: Mannerheim, Kollontai, Stalin, Vyshinsky, Leningrad blockade, Finland, the Second World War, Mannerheim line, Road of life, P.P. Maslov

References

1. Karpov, V.V. *Marshal Zhukov. Opala: literaturnaya mozaika* [Marshal Zhukov. Disfavor: a Literary Mosaic]. Moscow: Veche Publ., 1994. 415 pp. (In Russian)
2. Klinge, A. *Mannerheim i blokada Leningrada: zapretnaya pravda o finskom marshale* [Mannerheim and the Leningrad Blockade: the Forbidden Truth about the Finnish Marshal]. Moscow: Yauza-Press Publ., 2018. 222 pp. (In Russian)
3. Kollontai, A.M. *Letopis' moei zhizni* [Chronicle of my Life]. Moscow: Academia Publ., 2004. 332 pp. (In Russian)

4. Medinskii, V.R. "Linii Mannergeima" [Mannerheim Lines], *Rossiiskaya gazeta*, 2016, 27 October, № 243 (7111). (In Russian)
5. Mlechin, L.M. *Kollontai* [Kollontai]. Moscow: Molodaya gvardiya Publ., 2013. 478 pp. (In Russian)
6. *Polkovodtsy i voenachal'niki Velikoi Otechestvennoi* [Commanders and Military Leaders of the Great Patriotic War], ed. A.N. Kiselev. Moscow: Molodaya gvardiya Publ., 1986. 365 pp. (In Russian)